

Помню притихший, сосредоточенный, поглощенный происходящим на экране зрительный зал ВГИКа. «Притихший, сосредоточенный, поглощенный» — не часто скажешь такие слова о зале, где каждый зритель — будущий режиссер, актер, драматург, художник и, конечно, уже сегодня строгий критик.

В тот вечер, о котором мне хочется вспомнить, мы смотрели дипломную работу Андрея Смирнова и Бориса Яшина — фильм «Эй, кто-нибудь...», поставленный по Сарояну. Маленькая камерная новелла оборачивалась истинной драмой, трагическим поиском выхода из одиночества. Несомненен был талант молодых режиссеров. Но внимание картины обеспечило не только это. Героев фильма (их было всего двое — он и она) играли студенты ВГИКа: Володя Ивашов, уже прославившийся к тому времени обошедшей экраны мира «Балладой о солдате», и Оля Гобзева, тоненькая первокурсница, до того выступавшая лишь в этюдах на занятиях по мастерству.

Когда говорят о первой роли актрисы, тем более студентки, снявшейся в учебной работе, принято снисходительно восхищаться и умиляться ее непосредственностью, робкими шагами в искусстве... Но Оля Гобзева снялась в своем первом фильме так, что всякие скидки и снисходительность к дебютантке показались бы попросту странными. И ненужными.

Вскоре Оля появилась на экране вновь — на этот раз в небольшом эпизоде в фильме Марлена Хуциева «Мне двадцать лет». Здесь ее присутствие в картине исчислялось минутами. Безмятная (в сценарии она называлась «аккуратная девочка»), очень юная, чья-то молоденькая жена, случайная гостья на вечеринке, уставшая в многоголосье, в табачном дыму, в непривычном game острот и междометий, заменяющих фразы, она притихла, ушла в себя. И вдруг — пощечина, которую тихая, аккуратная девочка дает одному из гостей. Она бьет с размаху, не задумываясь, бьет человека, оскорбившего ее и всех дешевым цинизмом, сытым неверием, душевной пустотой.

Потом она быстро ходит по комнате, словно по одной прямой, прижимая к выдающему лицу ладони, страдающая за себя и за других, за то, что, назерно, в первый раз в жизни ударила и что ударила мало, не так. И снова целая жизнь открывалась за двумя прижатыми к лицу ладонями и тихим голосом Гобзевой...

Этими двумя первыми, не робкими, не ученическими работами актриса открывала для себя мир кино и себя в этом мире.

С тех пор прошло семь лет. Ольга за-

кончила институт, получила диплом, работает в Театре-студии киноактера. В двадцать шесть лет она снялась в восемнадцати фильмах — цифра, доступная обычно зрелым мастерам.

Были эпизоды. Маленькие — крупинки. Учительница, из тех упорных и скромных подвижниц, что, забывая себя, ехали в деревню на всю жизнь учить грамоте и добро сельских ребятишек. Такой явилась Гобзева в фильме «В городе С...». Появилась и осталась в памяти своей чеховской интонацией, незащищенностью, интеллигентностью, ясным внутренним светом.

Журналистка в «Крыльях», маленькая бездарная хищница с кротким голосом и настойчивым, цепким взглядом, умеющая вовремя приспособиться, вовремя подойти к нужному человеку, вовремя

и другие краски. Она сыграла человека на редкость свободного и властного в своих мыслях и поступках. И в то же время раннего, скрывающего это в своей гордости и независимости. Анечка и умнее, и внутренне старше, и сильнее любимого ею Никиты; она понимает и угадывает в нем то, что он сам в себе еще понять не может, но никогда не выкажет своего превосходства, старшинства в их отношениях. Для нее любить — это значит понять и помочь. Роль, построенная на тончайшем подтексте, на внутренних нюансах, оказалась написанной будто специально для Гобзевой.

В этом сказалось умение молодой актрисы не ломать драматургию характера, не подгонять ее под свои внешние и внутренние данные — у Гобзевой дру-

жок роли у нее изменчив, притотлив, локмок. Непрестанное внутреннее движение, переходы из состояния в состояние при кажущейся внешней пассивности, акварельные тона и полутона. Но между тем, чем больше задумываешься о тех, кого играла Гобзева, тем больше ощущаешь их неколебимую, внутреннюю стойкость, убежденную гордость, силу характера, способность к противостоянию. Быть может, в этом необычном контрасте внутренней силы и внешней хрупкости, зыбкости и есть неповторимость, своеобразие таланта Оли Гобзевой, и этим отмечены едва ли не все созданные ею образы.

При этом Гобзева не повторяется. Не живет однажды найденным, однажды найденным капиталом. Напротив, она всегда уходит от того, что было уже сыграно, — не зачеркивая найденное, а продолжая свой поиск.

Вскоре после журналистки в «Крыльях» Гобзева сыграла Лилию в картине А. Володина и П. Тодоровского «Фокусник». И если в «Крыльях» актриса шла от общей стилистики картины — лаконичной, сдержанной, максимально напряженной, была острой, сухой, беспощадно откровенной, то в «Фокуснике» она полярна всему этому. Гордость, замкнутость, одиночество и ранимость ее Лилия сочетались с мягкой женственностью, теплотой, умением понимать и принимать. Но всеми этими словами не исчерпать того, что сыграла Гобзева в «Фокуснике». Лилия все время существует как бы при отце. В прекрасном дуэте с Зиновием Гердтом Оля сыграла — без слов — и раннюю взрослость девушки, выросшей без матери, и раннюю самостоятельность, позволяющую ей спокойно открывать для себя мир и людей в этом мире; и прочное внутреннее единство с отцом в его поисках добра и радости.

Лилия — это одна из любимых ролей актрисы. Это понятно. В ней Гобзева нашла близкий себе драматургический материал, сумев в какой-то степени подвести итог накопленному за время съемок.

Сейчас она заканчивает работу в двух фильмах — в «Вальсе» молодого режиссера В. Титова и в «Старом доме», поставленном по «Былому и думам» Герцена Б. Бунеевым, где она играет Натали Герцен.

Однажды, прочитав о себе, Оля сказала: «Мне странно, когда обо мне говорят, пишут... Что я особенно сделала?».

И это не фраза, не ложная скромность. Оля просто не мыслит себе иного пути, иных требований и иной степени отдачи тому, чему она посвятила свою жизнь.

Э. ЛЫДИНА.

написать то, что требует от нее ее тщеславие и карьеризм.

Была Инга. Молчаливая, с пристальным, чуть грустным взглядом, угловатая в своей застенчивости и желании быть смелой, свободной, очень взрослой и решительной. Об этом маленьком эпизоде в фильме Евгения Григорьева и Марка Осепьяна «Три дня Виктора Чернышева» Оля говорит: «Такая роль дороже иной главной...».

Были большие, центральные роли. Анечка в фильме Ю. Семенов и Ю. Егорова «Не самый удачный день», студентка театрального института, уже знаменитая, уже снимающаяся в кино. Оля Гобзева могла бы играть себя, ничего не добавляя, и это не было бы штампом, игрой в «звезду», ибо человеческая сущность Гобзевой прямо противоположна всему выдуманному, наносному, внешнему. Но Гобзева, в чем-то идя от себя, от своего мироощущения, нашла

гой путь. В предложенной ей роли, в замысленном драматургом характере она ищет то, что близко ей, и, отыскав, делает доминантой. Ей нужен в первую очередь живой «стык» личного и предлагаемого, и от степени такого слияния зависит успех и глубина ее работы.

Как слушала, как молчала ее Анечка в финале картины. «Не самый удачный день...». Светились, сияли ее глаза, и это была не только радость от примирения с Никитой, от того, что они снова вместе, что все дурное миновало. Героини Оли Гобзевой всегда мыслят, чувствуют и рассказывают о себе больше, чем предлагает сюжет, чем к тому дает повод сама ситуация. И ее Анечка была счастлива утверждением своей веры и верности.

О Гобзевой трудно писать — рису-